

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MIEVEAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIEVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

Л.А. Пименова

КАК КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ

УДК 94(44).35/.04

В статье исследуются варианты толкования понятия “измена” во французских словарях, энциклопедиях, юридических сочинениях и законодательных актах XVIII – начала XIX в. Рассматриваются обвинения Людовика XVI в измене, выдвигавшиеся в период Французской революции, на примере революционной публицистики, карикатур, выступлений депутатов Конвента и материалов судебного процесса свергнутого короля. Особое внимание уделено вопросу о соотношении моральных и правовых категорий в революционном дискурсе конца XVIII в.

Ключевые слова: измена, изменник, Конституция 1791 г., Национальный конвент, оскорбление величества, предатель, предательство, суд над Людовиком XVI, Уголовный кодекс 1791 г., Уголовный кодекс 1810 г., Французская революция.

Key words: betrayal, constitution of 1791, criminal code of 1791, criminal code of 1810, French Revolution, lese-majesty, National Convention, traitor, trial of Louis XVI.

По словам М. Фуко, в ходе революции во Франции совершился поворот от наказания как “церемониала, посредством которого восстанавливается на миг нарушенная власть суверена”, к новой стратегии, которая “легко вписывается в общую теорию договора” и согласно которой “правонарушитель становится общим врагом. На самом деле он хуже врага, поскольку наносит удары изнутри общества, – он предатель”¹. Это рассуждение Фуко о правонарушителе как предателе интересов общества вызывает в памяти многочисленные обвинения в предательстве, звучавшие в годы революции в адрес короля Людовика XVI. Как же и почему так вышло, что монарх стал выглядеть изменником, предателем² в глазах своих подданных и какой смысл заключался в этих обвинениях?

Сначала попытаемся разобраться в том, что понимали под изменой люди XVIII в. и какие действия они могли относить к разряду предательских. С этой целью обратимся к определениям соответствующих понятий в словарях и энциклопедиях XVIII в. Согласно четвертому изданию французского “Словаря Академии” (1762) “la trahison” – это “вероломство, действие того, кто предаёт”. За данным определением в словаре следовали примеры употребления термина: “Трусливое, неслыханное, тяжкое, чер-

ное, гнусное, отвратительное, невероятное, явное предательство. Я узнал о его предательстве. Предательство раскрыто. Он не осмелился открыто выступить против него и убил его предательски. Он предал своего друга”. Особо было выделено значение термина, выражающее понятие государственной измены. Примеры такого его употребления в статье были навеяны событиями еще не закончившейся Семилетней войны: “Говоря об английских делах, государственной изменой называют оскорбление величества и любое другое преступление против законов отечества. Государственная измена [дословно: преступление высшей измены. – Л.П.]. Он был обвинен в государственной измене”³.

Характерные особенности этого текста XVIII в. станут видны после сравнения его с более поздним, восьмым изданием “Словаря Академии” (1932–1935). В словаре, вышедшем 150 лет спустя, статья стала короче, из нее ушли некоторые эпитеты (“неслыханное”, “тяжкое”, “невероятное”). Толкование стало более узким: выпало значение термина, относящееся к сфере частной жизни (“предал своего друга”). В словаре 1930-х годов статья стала выглядеть так: “Предательство. Действие того, кто предает. Гнусное, отвратительное, явное предательство. Трусливое, черное предательство. Предательство раскрыто. Предательски убить кого-либо. Наказать за предательство. Государственной изменой называют преступления, касающиеся, в первую очередь, безопасности Государства. Он был обвинен в государственной измене”⁴. Государственная измена тоже стала трактоваться более узко. Разумеется, в 1930-е годы речи не шло ни о каком “оскорблении величества”. Помимо этого, государственной изменой называлось не вообще “любое преступление против законов отечества”, а именно преступление, угрожающее безопасности государства. Очевидно, что расширительная трактовка понятия, представленная в ранней редакции словаря, вписывалась в традиционную правовую систему Старого порядка, где “во всяком правонарушении совершается *crimen majestatis*, малейший преступник – потенциальный цареубийца”⁵.

Шевалье де Жокур, автор статьи “Trahison” для “Энциклопедии” Дидро и д’Аламбера, определял измену как “вероломство; более или менее тяжкое нарушение верности родине, государю, другу или тому, кто доверился нам”. Примечательно, что эта статья имела пометку “мораль”, однако за рассуждениями морального порядка следовало освещение и юридической стороны вопроса. Автор этой части статьи, Буше д’Аржи перечислил возможные виды измены и положенные за них наказания: “Измена, совер-

шенная по отношению к отдельному лицу, карается, смотря по обстоятельствам, штрафами и даже телесными наказаниями, если она стала причиной преступления. Но гораздо серьезнее *измена* королю или государству; такое преступление совершают те, кто вступают в общество, сговор, лигу наступательного или оборонительного характера против личности, власти или достоинства короля, либо между собой, либо с другими властителями, республиками, группами иностранцев или их послами, как внутри Королевства, так и вне его, прямо или косвенно, лично или через посредников, устно или письменно ⟨...⟩. Ординарное наказание за это преступление – отсечение головы для дворян, виселица для простолюдинов и иногда даже колесование для людей низкого положения. Если преступник дерзнет посягнуть на особу короля, наказание будет еще более суровым”⁶. Автор ссылаясь при этом на тексты ряда королевских эдиктов и ордонансов второй половины XVI в. Кроме того, он знакомил читателя с английской судебной практикой, где различались преступления высшей и малой измены (*le crime de haute trahison, le crime de petite trahison*). К числу первых относились покушения и заговоры против короля и государства, убийство канцлера или главного казначея, порча монеты, подделка королевской печати; к числу последних – убийство жены, отца, детей или господина. Повествование завершилось отсылками к статьям “Верность”, “Доверие (Злоупотребление доверием)”, “Заговор”, “Клятва, присяга”, “Мошенничество”, “Оскорбление величества”, “Отцеубийство”, “Подлог”.

Из рассмотренных статей видно, что государственная измена и измена королю были тождественными понятиями, что и неудивительно, так как государство, в соответствии с политико-правовыми представлениями Старого порядка, было неотделимо от персоны монарха, являвшегося его живым олицетворением. Из сказанного следует, что измена со стороны короля, во всяком случае, государственная измена – это нонсенс, король не может быть изменником по отношению к самому себе⁷. Правда, шевалье де Жокур в статье для “Энциклопедии” оговорил возможность измены со стороны самого монарха. “Те властители, – писал он, – которые позволяют ее [измену. – Л.П.], сами подавая тому пример, заслуживают, чтобы она обернулась против них; и тогда никто не будет в безопасности”. Однако автор не конкретизировал, к каким именно ситуациям применимо его суждение.

Если мы теперь от словарей обратимся к текстам юридического характера, мы увидим, что термин “измена” в них встреча-

ется нечасто. В одном из самых популярных и влиятельных произведений правовой мысли XVIII в., трактате Чезаре Беккариа “О преступлениях и наказаниях” о такой категории преступлений вообще не упоминается⁸.

Ш.-Л. Монтескьё, рассуждая в трактате “О духе законов” о возможных разновидностях преступлений, вполне осознанно избегал термина “измена”⁹. Предлагая реформу правовой системы, имеющую целью гарантировать свободу гражданина, Монтескьё предостерегал против злоупотребления эмоционально перегруженными и недостаточно четко определенными понятиями, такими как “святотатство”, “ересь”, “измена” или “оскорбление величества”. С его точки зрения, “обвинения в этих преступлениях могут иметь самые пагубные последствия для свободы и породить бесчисленные акты тирании, если законодатель не сумеет ввести их в надлежащие границы”¹⁰. По словам Монтескьё, зачастую изменой считают то, что в действительности таковой не является. Свою мысль он пояснял таким примером: “Один английский закон, проведенный при Генрихе VIII, объявлял виновным в государственной измене всякого, кто предсказывает смерть короля. Вот, поистине, недостаточно ясный закон. Деспотизм так ужасен, что губит даже самих деспотов. Во время последней болезни этого короля медики ни разу не осмелились сказать, что он находится в опасности, и, конечно, сообразно с этим лечили его”¹¹.

Но редкое присутствие термина “измена” в юридических сочинениях объясняется не только тем, что это понятие расплывчатое и несет на себе груз субъективных эмоций. Примечательная деталь: статья о предательстве в “Энциклопедии” Дидро и д’Аламбера была отнесена авторами – как свидетельствует пометка в начале текста – к области морали, а не права. Дело в том, что в уголовном законодательстве Старого порядка понятие измены вообще отсутствовало. Преступления, которые в словарях именовались “изменой”, в юридических документах квалифицировались как “оскорбление величества” (*le crime de lèse-majesté*).

Разрабатывая понятие “оскорбления величества”, французские юристы основывались на нормах римского права, в котором выделялись четыре вида преступлений данной категории: покушение на жизнь и безопасность государя; секретные сношения с врагами государства; антиправительственные смуты и мятежи; надругательство над изображениями государя, самовольная чеканка монеты и присвоение себе символов верховной власти¹². Во Франции толкование понятия “оскорбление величества” со-

держалось в целой серии королевских ордонансов, принятых на протяжении нескольких веков. Как правило, французские юристы Старого порядка ссылались на ордонанс Франсиска I, изданный в Сен-Жермен-ан-Лэ (1534). Согласно ордонансу, “тот, кто получает письма или послания от иностранного государя, врага Короля, с которым он ведет войну, повинен в оскорблении величества, если не сообщит об этом Королю или его приближенным”¹³.

Во французском королевском праве различались оскорбление величества первой и второй степени. К оскорблению величества первой степени относились покушение на особу короля, участие в заговорах и мятежах, переход на сторону внешнего врага, выдача военных и иных государственных секретов, оказание платных услуг иностранным государям лицами, состоящими на королевской службе¹⁴. К оскорблению величества второй степени – дезертирство, незаконное ношение оружия, самовольные сбор армии, строительство или разрушение укреплений, переход на иностранную службу, созыв Генеральных или провинциальных штатов, изготовление фальшивых монет, документов и печатей¹⁵.

Поворотным моментом в развитии французской правовой и пенитенциарной системы стали события революции конца XVIII в. 25 сентября – 6 октября 1791 г. Учредительное собрание по докладу М. Лепелетье де Сен-Фаржо приняло Уголовный кодекс. Современные исследователи называют его обратной стороной “Декларации прав человека и гражданина” и Конституции 1791 г., так как наряду с этими двумя основополагающими текстами он участвовал “в определении нового политического порядка. Его главной целью была защита не имущества и личности, а новых, протореспубликанских институтов и ценностей”¹⁶. В основу нового уголовного законодательства, как и всего законодательства в целом, был положен принцип общественного договора. Преступление стало рассматриваться не как действие, направленное против монарха, а как нарушение общественного договора. В соответствии с новым принципом преступления, относившиеся ранее к категории “оскорбления величества”, квалифицировались в Уголовном кодексе 1791 г. как “преступления, направленные против общественного блага” (“*crimes et attentats contre la chose publique*”). Термин “*trahison*” встречается в тексте кодекса лишь один раз, в главе 5 раздела “О преступлениях против внешней безопасности государства” (“*Des crimes contre la sûreté extérieure de l’Etat*”), где речь идет о “предательствах <...> совершенных во время войны по отношению к союзникам Франции, действующим

против общего врага”¹⁷. Впоследствии такие формулировки, как “преступление против общественного блага” и “преступление против безопасности государства”, перешли в наполеоновский Уголовный кодекс 1810 г.¹⁸ Правда, в кодекс 1810 г. вернулось прежнее понятие “оскорбление величества”, под которым теперь подразумевались только “покушение или заговор, направленные против жизни или личности императора”, и преступление такого рода приравнивалось к отцеубийству¹⁹. Термин “измена” в наполеоновском Уголовном кодексе вообще не фигурировал.

Место прежнего короля-помазанника занял король, наделенный верховной исполнительной властью на основании общественного договора. Но при этом Конституция 1791 г. в части “О королевской власти и о короле” гарантировала королю неприкосновенность и провозглашала его особу священной. Привлечь короля к суду за какие-либо проступки можно было только после его отречения от власти. Согласно конституции, короля следовало признать отрекшимся, “если в течение месяца после приглашения со стороны законодательного корпуса король не принесет присяги или если по принесении ее он отречется от нее (...); если король станет во главе армии и направит войска против народа или если путем формального акта не воспротивится подобному предприятию, выполняемому его именем (...); если король, покинув королевство, не возвратится после приглашения, обращенного к нему законодательным корпусом, в установленный в прокламации срок, который не должен превышать двух месяцев (...). После явно выраженного или законно предполагаемого отречения король переходит в разряд граждан и может быть подвергнут обвинению и судим наряду с прочими лицами за деяния, совершенные после его отречения”²⁰. Получалось, таким образом, что в соответствии с конституцией король занимал исключительное положение в государстве и не входил “в разряд граждан”. Ни за какие действия, в том числе и направленные против общественного блага и безопасности государства, король по закону не подлежал суду. Единственным наказанием для него могло стать признание отрекшимся от власти. Судить бывшего короля допустимо было лишь за проступки, совершенные уже после отречения.

Конституция, казалось бы, ограждала короля от возможных обвинений в измене. Но трибунал общественного мнения судил по своим законам. Тень обвинений в измене легла на королевскую семью уже в самом начале революции. Изменниками в глазах революционно настроенных граждан выглядели эмигрировавшие

аристократы, включая братьев короля. Изменницей называли и королеву Марию-Антуанетту, что нашло отражение, в частности, в появившемся в октябре 1789 г. памфлете “Искарриотка Французская, или австрийский депутат”²¹. Но на самого короля до поры до времени эта тень ложилась лишь косвенно. Исключение составлял “друг народа” Жан-Поль Марат, который в самом начале 1791 г. утверждал: “Измена – любимое оружие королей. Для них нет ничего святого, и они не знают стыда”²². Обвинениями короля в измене была наполнена написанная месяцем позднее статья “Отечество на краю гибели”²³. Впрочем, понятие “измены”, “предательства” занимало центральное место в рассуждениях Марата, и язык этого автора отличался от общепринятого юридического дискурса его времени. Так, в составленном им за десять лет до начала революции “Плане уголовного законодательства” (1778 г., напечатан в 1780 г.) Марат писал о наказаниях за “предательство родины”: “Государственными преступлениями следует считать: предательство родины, подразумевая под этим переход на сторону неприятеля (...). Переход этот составляет государственное преступление лишь в тех странах, где армия состоит из граждан; и так как в подобном случае переход этот становится предательством интересов родины, пусть преступник навсегда лишится своих гражданских прав”²⁴.

Но по-настоящему широко вопрос об измене самого Людовика XVI впервые встал во время “Вареннского кризиса”, последовавшего за неудачной попыткой бегства королевской семьи из революционного Парижа. Этот поступок короля спровоцировал всплеск антимонархических настроений, появление множества обличающих монарха газетных статей²⁵, памфлетов и карикатур. Одна из них – под красноречивым названием “Король-Янус, или двуличный человек” – демонстрировала публике Людовика, который, с одной стороны, дает депутату Учредительного собрания обещание защищать конституцию, а с другой – говорит священнику: “Я уничтожу конституцию”²⁶.

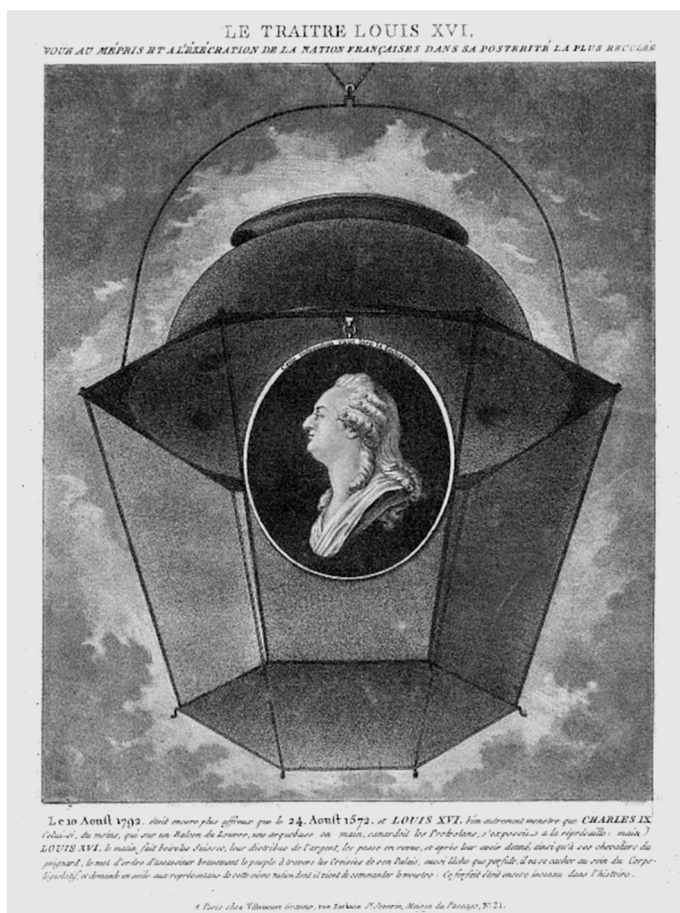
И, наконец, особенно активно вопрос об измене короля стал дебатироваться после свержения монархии. Во время штурма и разграбления королевского дворца Тюильри 10 августа 1792 г. были захвачены документы – письма, прошения на имя монарха, распоряжения и записки, многие из которых компрометировали короля. Национальный конвент образовал чрезвычайную “комиссию двадцати четырех”, уполномоченную разбирать захваченные в Тюильри документы. После месяца работы, в на-

чале ноября депутат Ш. Дюфриш-Валазе представил Конвенту заключение комиссии “о преступлениях бывшего короля”²⁷. Изложив почерпнутые из документов сведения о сношениях Людовика с контрреволюционерами и внешними врагами, о вербовке вооруженных сторонников, докладчик сделал вывод, что “королям свойственно искусство обманывать”²⁸ и “король, чья измена столь очевидно доказана”²⁹, должен быть лишен неприкосновенности, гарантированной ему конституцией.

Вскоре в распоряжении обвинителей оказались дополнительные улики, когда в коридоре дворца Тюильри, соединявшем спальни короля и дофина, был найден скрытый в стене тайник за железной дверцей. Этот тайник, который стали называть “железным ящиком”, изготовили весной 1792 г. по приказу Людовика XVI для хранения секретных бумаг. Многие из обнаруженных там нескольких сотен документов, включая секретную дипломатическую переписку с австрийским двором и свидетельства о подкупе должностных лиц и депутатов, давали поводы для новых обвинений в измене³⁰.

Слово “измена”, официально брошенное с трибуны Конвента, создало эффект прорванной плотины, и в адрес свергнутого короля хлынул поток обвинений. Появлялись памфлеты, в самих названиях которых король именовался “изменником нации”, “предателем Капетом” и т.п.³¹ На улицах распевали куплеты о “Людовике-изменнике”³². Распространялись рисунки и карикатуры на “предателя Людовика”. Примером может служить эстамп, озаглавленный “Изменник Людовик XVI, обреченный на презрение и проклятия французской нации во всех последующих поколениях”³³. На нем изображен фонарь³⁴ с подвешенной головой Людовика XVI (ил. 1).

Смысл эстампа раскрывает пространная подпись: “10 августа 1792 г. было еще ужаснее, чем 24 августа 1572 г., а Людовик XVI – еще большим чудовищем, чем Карл IX. Этот, по крайней мере, стреляя в протестантов из аркебузы с балкона Лувра, подставлял себя под ответный удар; а Людовик XVI с утра напоил швейцарцев, раздал им деньги, провел им смотр и дал этим своим рыцарям кинжала приказ без страха убивать народ из окон Дворца, а затем, как трус и предатель, спрятался в Законодательном корпусе и попросил убежища у представителей той самой нации, которую он только что повелел убивать; история еще не знала подобного преступления”³⁵. Характерная черта этого эстампа – существенное расхождение между изображением и текстом. Визуальный ряд – в отличие от “Короля-Януса” – это уже не про-

Ил. 1. Изменник Людовик XVI. Карикатура 1792 г.

сто обвинение в измене, а призыв к физической расправе. Но текст, цель которого, очевидно, – объяснить, почему Людовик XVI назван изменником и за что его голова висит на фонаре, развивает идею, заложенную в первом эстампе: король на самом деле – враг нации, но он не выступает против нее открыто, а трусливо и вероломно пытается расправиться с ней чужими руками. Точку в этом ряду ставит знаменитый анонимный эстамп под названием “Людовик-изменник, читай свой приговор”³⁶ (ил. 2).

На листке изображена рука Провидения, выводящая на кирпичной кладке текст: “Господь счел дни твоего царствования и

Ил. 2. Людовик-изменник, читай свой приговор. Эстамп 1793 г.

положил им конец. Ты был взвешен на весах и оказался слишком легким”³⁷. Подпись внизу гласит, что весь запас великодушия французской нации уже исчерпан и за свои контрреволюционные деяния “это чудовище” (“se monstre”) должно быть осуждено и наказано. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, что это значит, посреди текста помещена гильотина со зловещей надписью: “Она ожидает виновного”. Почему именно Людовик назван изменником, здесь, по сути, не объясняется – приговор уже вынесен и обжалованию не подлежит. Авторам сатирических куплетов, памфлетов и эстампов не вменялось в обязанность строго выбирать слова, и их хлесткие обвинения в измене не имели юридической силы. Другое дело – депутаты Конвента. Взяв на себя полномочия суда над королем, они должны были давать серьезное правовое обоснование своим выводам. Когда 7 ноября 1792 г. депутат Ж.-Б. Майль делал от имени Законодательного комитета доклад с обоснованием правомерности суда над Людовиком XVI, перед ним стояла непростая задача, так как конституция гарантировала королю неприкосновенность. Следуя той же логике, какую за несколько дней до этого взял на вооружение Дюфриш-Валазе, докладчик выстроил свою аргументацию вокруг темы предательства, доказывая, что король сам нарушил конституционный договор, предал нацию, попрал конституцию и тем самым поставил себя вне закона. Он должен быть отдан под суд как предатель и заговорщик, и суд над свергнутым королем будет справедливой местью тирану со стороны преданной им нации³⁸.

Образ короля-изменника активно эксплуатировался на заседании Конвента 13 ноября 1792 г., посвященном суду над свергнутым монархом. Депутат Ш.-Ф.-Г. Мориссон признавал, что во Франции нет такого позитивного права (имея в виду конституцию и уголовный кодекс), по которому Людовик XVI мог бы быть осужден. Но, по мнению депутата, он подлежит суду на основании естественного права, так как виновен в измене, а изменой Мориссон называл сношения с иностранными монархами, нежелание энергично вести войну против внешнего врага, подавление народных восстаний: “Очевидно, что Людовик XVI предал родину; он повинен в самом гнусном вероломстве; он неоднократно подло нарушал клятву; он замыслил поработить нас под ярмом деспотизма; он поднял против нас часть Европы; он предал врагу наши города и имущество наших братьев; он принес в жертву наших отважных защитников; он повсюду сеял анархию и беспорядок; он передал деньги Франции врагам, которые вооружились

и объединились против нее; он истребил тысячи граждан, виновных лишь в том, что они любили свободу и родину; кровь этих несчастных жертв еще дымится вокруг и взывает о мести”³⁹.

Тему измены затронул и Л.-А. Сен-Жюст в своей знаменитой речи на том же заседании, но трактовал он ее иначе, чем Мориссон. Исходя из того, что “невозможно царствовать и не быть виновным”, Сен-Жюст объявлял короля изменником по определению, просто в силу его королевского сана, так как “всякий король – мятежник и узурпатор”⁴⁰. Марат в написанной к заседанию Конвента 3 декабря речи “О суде над бывшим монархом” призывал “наказать вероломного бывшего монарха, изменника, клятвопреступника и заговорщика”⁴¹. Максимилиан Робеспьер в речи на заседании 3 декабря предложил внести пункт об измене короля в обвинительный приговор и потребовал, “чтобы Национальный конвент немедленно объявил его изменником французской нации, преступником против человечества”⁴². Через неделю Робер Ленде в докладе, предворявшем чтение обвинительного акта, подробно изложил многочисленные конкретные деяния, которые вменялись в вину свергнутому королю. Перечисляя все имевшие место с начала революции акты насилия против народа, связи с эмигрантами и иностранными монархами, тайные сношения с контрреволюционерами внутри страны, Ленде оценивал действия короля и при этом оперировал не только и даже не столько правовыми, сколько моральными категориями (“тиран”, “деспот”, “предательство”)⁴³. Об измене короля говорили и другие депутаты при обсуждении доклада Ленде⁴⁴. Сам докладчик в новой обвинительной речи вернулся к этой теме. По его словам, французские города были сданы армии прусского короля в результате вероломства (“perfidies”) со стороны Людовика XVI, который ничего не предпринимал, тогда как его братья и прочие враги государства и эмигранты от его имени поднимали полки, делали займы и заключали союзы, так что “нация оказалась брошенной и преданной врагам”⁴⁵.

В своих выступлениях депутаты давали волю эмоциям, и слова об измене короля постоянно звучали с трибуны Конвента. Но если от текстов пламенных речей мы обратимся к принятым в итоге документам, то мы увидим менее экспрессивную и более строгую в юридическом отношении лексику. В составленном после обсуждения “Акте, излагающем преступления Людовика, последнего короля французов”, перечислялись конкретные проступки, в которых был уличен бывший монарх: нарушение кон-

ституционной присяги, связи с внешними врагами и контрреволюционерами и т.д. Слово “измена” встречается в акте только один раз. Таким образом была квалифицирована попытка бегства короля с семьей из Парижа летом 1791 г.⁴⁶

В ходе последовавшего за принятием акта многочасового допроса Людовика XVI ему предъявлялись обвинения в “покушениях на народный суверенитет” (“avoir attenté à la souveraineté du peuple”)⁴⁷, в нарушении конституционной клятвы, в попытках “развратить общественный дух” (“corrompre l’esprit publique”) и “поднять контрреволюционное движение в провинциях” (“imprimer un mouvement contre-révolutionnaire aux provinces”)⁴⁸, в связях с “врагами Государства” (“ennemis de l’Etat”), которые от его имени собирали и вооружали войска эмигрантов, в связях с иностранными державами, в потворстве созданию антифранцузской коалиции, в саботаже национальной обороны, в дезорганизации армии и флота. Фактически речь неоднократно заходила об измене, но при этом само слово, как правило, не произносилось. Так же как и в “Акте, излагающем преступления Людовика”, изменой был назван только один поступок короля: его бегство в Варенн⁴⁹. Во всех остальных случаях использовались другие формулировки. В конечном счете, согласно определению, вынесенному на голосование в Конвенте, король был признан виновным в “заговоре против свободы нации и общей безопасности государства”⁵⁰.

Широкая популярность обвинений в измене отнюдь не случайна. Образ короля-предателя оказался востребован и содействовал установлению нового политического режима. Когда Эдмунд Бёрк в начале 1790 г. писал “Размышления о революции во Франции”, он увидел в вынужденном переселении королевской семьи из Версаля в Париж под давлением революционной толпы (октябрь 1789 г.) признаки перехода от патриархально-личностной системы властных отношений к принципиально иной, рационалистически-бюрократической системе. “Век рыцарства прошел, – писал Бёрк. – За ним последовал век софистов, экономистов, конторщиков (...). Сейчас все изменилось. Все привлекательные иллюзии, которые делали власть великодушной, повинение добровольным, придавали гармонию разнообразным жизненным оттенкам, внушали чувства, украшающие и смягчающие частную жизнь, – все они исчезли от непреодолимого света разума”⁵¹.

Среди таких “привлекательных иллюзий, которые делали власть великодушной”, центральное место занимал традицион-

ный образ короля-отца. Именно поэтому, по мнению современной американской исследовательницы Линн Хант, “убийство короля было самым важным политическим актом Революции и центральной драмой революционного семейного романа”, казнь короля стала водоразделом между старым и новым общественно-политическими порядками и явилась своего рода отцеубийством, убийством короля его восставшими детьми-подданными⁵². Казнив короля-отца, революционеры окончательно уничтожили вместе с ним патриархально-абсолютистскую модель власти и установили новую модель власти, основанной на договоре между равноправными индивидами. Но необходимым условием такого акта была полная дискредитация короля, и обвинения в измене как нельзя лучше служили этой цели. А король-изменник – это, прежде всего, король, изменивший традиционной и общепризнанной роли отца, предательски бросивший своих детей и в силу измены лишенный неприкосновенности. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что именно попытка бегства короля из Парижа (бегство отца из семьи!) было названо изменой в “Акте, излагающем преступления Людовика”.

В то же время всего лишь однократное упоминание об измене в этом акте и отсутствие такого обвинения в тексте, вынесенном на голосование, связано с тем, что оно относилось к области не столько права, сколько морали. Злоупотребление взятым не из уголовного кодекса, но не ставшим от этого менее популярным понятием “измена” демонстрировало свойственное якобинцам обыкновение говорить “морально-религиозным языком”⁵³, неуместным при вынесении судебного решения.

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С.73, 130, 131.

² Понятия “предательство” и “измена” – а также “предатель” и “изменник” – будут употребляться как синонимы, потому что по-французски выражаются одним термином “la trahison” (соответственно “le traître”).

³ “TRAHISON. s.f. Perfidie, action de celui qui trahit. Trahison lâche, insigne, signalée, noire, détestable, horrible, énorme, manifeste. J'ai reconnu sa trahison. La trahison est découverte. Il n'a osé le prendre en brave homme, il l'a tué en trahison. Il a fait une trahison à son ami. En parlant Des affaires d'Angleterre, on appelle Crime de haute trahison, Le crime de Lèse-Majesté, & toute autre entreprise contre les Lois de la Patrie. Crime de haute trahison. Il fut accusé de haute trahison” (<http://artfl.atilf.fr/dictionnaires/ACADEMIE/QUATRIEME/quatrieme.fr.html>).

⁴ “TRAHISON. n. f. Action de celui qui trahit. Trahison détestable, horrible, manifeste. Lâche, noire trahison. La trahison est découverte. Tuer quelqu'un en trahison, par trahison. Punir la trahison. Haute trahison se dit des Crimes qui intéressent au premier chef la sûreté de l'État. Il fut accusé de haute trahison, de

crime de haute trahison” – (<http://atilf.atilf.fr/dendien/scripts/generic/cherche.exe?30;s=2841025380> обращение 29.11.11).

⁵ Фуко М. Указ соч. С. 80.

⁶ “TRAHISON, s. f. TRAHIR, v. act. (*Morale.*) perfidie; défaut plus ou moins grand de fidélité envers sa patrie, son prince, son ami, celui qui avoit mis sa confiance en nous. (...) Dès-lors que des princes l’auroient autorisée par leur exemple, ils méritent qu’elle se tourne contre eux; & dès-lors personne ne seroit en sûreté. (...) La *trahison* commise envers quelque particulier est punie selon les circonstances par des peines pécuniaires, ou même corporelles s’il s’en est ensuivi quelque crime. Mais la *trahison* envers le roi & l’état est encore plus grave; tel est le crime de ceux qui entrent dans quelque association, intelligence, ligue offensive ou défensive, contre la personne, autorité & majesté du roi, soit entr’eux ou avec autres potentats, républiques & communautés étrangères ou leurs ambassadeurs, soit dedans ou dehors le Royaume directement ou indirectement par eux ou par personnes interposées, verbalement ou par écrit. (...) La peine ordinaire de ce crime est d’être décapité pour les nobles, la potence pour les roturiers, & même quelquefois la roue pour des gens de basse condition. Si le criminel a osé attenter à la personne du roi, la peine est encore plus sévère” (Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. P., 1751–1780. T. 16. P. 522–523).

⁷ О сравнении понятия “измена” в английской и французской правовых традициях см.: Walzer M. Regicide and Revolution: Speeches at the Trial of Louis XVI. Cambridge, 1974. P. 42–46.

⁸ См.: Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1995.

⁹ Об этом красноречиво свидетельствует отсутствие термина “trahison” в “Электронном словаре Монтеस्कье” (см.: <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/index.php>).

¹⁰ Монтеस्कье Ш. Избранные произведения. М., 1955. С. 320, сл.

¹¹ Там же. С. 325.

¹² *Muyart de Vouglans P.-F.* Institutes au droit criminel, ou Principes généraux en ces matières, suivant le droit civil, canonique, et la jurisprudence du royaume; avec un traité particulier des crimes. P., 1757. P. 456sq.

¹³ “Par l’Edit de François I. donné à Saint Germain en Laye en Juillet 1534, celui qui reçoit des Lettres ou des Messages de la part d’un Prince Etranger ennemi du Roi, avec qui il est en guerre, est criminel de leze-Majesté, s’il n’en donne avis au Roi ou à ses Officiers” (*Du Rousseaud de La Combe G.* Traité des matières criminelles, suivant l’ordonnance du mois d’août 1670 & les édits, déclarations du roi, arrêts et réglemens intervenus jusqu’à présent. 7-ème édition, revue et augmentée considérablement. P., 1768. P. 47).

¹⁴ *Du Rousseaud de La Combe G.* Op. cit. P. 46–48; *Muyart de Vouglans P.-F.* Op. cit. P. 459sq.; Code pénal ou Recueil des principales ordonnances, édits et déclarations sur les crimes et délits. P., 1752. См. также: Une autre Justice: 1789–1799. Contributions à l’histoire de la justice sous la Révolution française / Sous la dir. de R. Badinter. P., 1989. P. 88–93.

¹⁵ *Muyart de Vouglans P.-F.* Op. cit. P. 461–478.

¹⁶ *Lascoumes P., Poncela P.* Classifier et punir autrement: les incriminations sous l’Ancien Régime et sous la Constituante // Une autre justice... P. 74.

¹⁷ “Les trahisons (...) commises en temps de guerre envers les alliés de la France, agissant contre l’ennemi commun” (Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises / Sous la dir. de J. Mavidal et E. Laurent. 1-ère série. P., 1875–1889. T. 31. P. 330).

- ¹⁸ Code pénal suivi de l'exposé des motifs du gouvernement, des rapports faits au corps législatif, d'une table méthodique et d'une table alphabétique et raisonnée des matières du Code. P., 1810. Т. 1. P. 17–20.
- ¹⁹ “L’attentat ou le complot contre la vie ou contre la personne de l’Empereur, est crime de lèse-majesté; ce crime est puni comme parricide” (Code pénal. P. 20).
- ²⁰ Документы истории Великой французской революции. М., 1990. Т. 1. С. 121, сл.
- ²¹ См.: *De Baecque A.* Le corps de l’histoire. Métaphores et politique (1770–1800). P., 1993. P. 198–205.
- ²² *Марат Ж.-П.* Избранные произведения: в 3-х т. М., 1956. Т. 2. С. 238.
- ²³ Там же. С. 251, сл.
- ²⁴ *Марат Ж.-П.* Избранные произведения... Т. 1. С. 248, сл.
- ²⁵ См., например, серию статей Марата в газете “Друг народа”: № 497, 22 июня 1791; № 500–501, 25–26 июня 1791; № 507–508, 1–2 июля 1791 (*Марат Ж.-П.* Избранные произведения... Т. 3. С. 7–22).
- ²⁶ Le Roi Janus, ou l’homme à deux visages // www.roger-violett.fr/resultat.aspx; *Duprat A.* Le roi décapité: Essai sur les imaginaires politiques. P., 1992. P. 66–67; *Idem.* Les rois de papier: La caricature de Henri III à Louis XVI. P., 2002. P. 74–75.
- ²⁷ Archives parlementaires de 1787 à 1860: Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises / Fondé par J. Mavidal et E. Laurent, continué par L. Lataste, L. Claveau, C. Pionnier, A. Ducom. 1-ère série. P., 1898. Т. 53. P. 210–217.
- ²⁸ “L’art de tromper est naturel aux rois” (Ibid. P. 210).
- ²⁹ “Un roi dont la trahison était si bien attestée” (Ibid. P. 215).
- ³⁰ См. подробнее: *Girault de Coursac P. et P.* Enquête sur le procès du roi Louis XVI. P., 1982. P. 83; *Petitfils J.-C.* Louis XVI. P., 2005. P. 903–906.
- ³¹ Rapport fait à l’Assemblée nationale par le commandant de garde au poste des appartemens du traître Louis XVI. P., 1792; Paris et la France sauvées, le ci-devant Louis XVI détroné, ou Le ministre des 36 heures 44 minutes et 25 secondes, ou Louis XVI perfide et traître à la nation, suite de la conjuration découverte. P., S.g.; Désespoir et réflexions du traître Capet, gardien du temple. P., 1793.
- ³² Например, “Chanson nouvelle, au sujet des justes reproches dûs à Louis-le-traître”.
- ³³ “Le Traître Louis XVI Voué au mépris et à l’exécration de la Nation françaises dans sa postérité la plus reculée”.
- ³⁴ Во время революции фонарь стал символом народного правосудия, что нашло выражение, в частности, в популярном лозунге “Аристократов на фонарь!”.
- ³⁵ “Le 10 Aoust 1792. étoit encore plus affreux que le 24. Aoust 1572. et Louis XVI. bien autrement monstre que Charles IX. Celui-ci, du moins, qui sur un Balcon du Louvre, une arquebuse en main, canardoit les Protestans, s’exposoit à la réprésaille: mais Louis XVI. le matin fait boire les Suisses, leur distribue de l’argent, les passe en revue, et après leur avoir donné, ainsi qu’à ses chevaliers du poignard, le mot d’ordre d’assassiner bravement le peuple à travers les Croisées de son Palais, aussi lâche que perfide, il va se cacher au sein du Corps législatif, et demande un asile aux représentans de cette même nation dont il vient de commander le meurtre: Ce forfait étoit encore inconnu dans l’histoire”.
- ³⁶ “Louis le traître lis ta sentence”.
- ³⁷ “Dieu a calculé ton règne et l’a mis à fin, tu as été mis dans la balance et tu as été trouvé trop léger”.

- ³⁸ Archives parlementaires. Т. 53. P. 275–281.
- ³⁹ “Louis XVI a bien évidemment trahi sa patrie; il s’est rendu coupable de la perfidie la plus affreuse; il s’est lâchement parjuré plusieurs fois; il avait formé le projet de nous asservir sous le joug de despotisme; il a soulevé contre nous une partie de l’Europe; il a livré nos places et les propriétés de nos frères; il a sacrifié nos généreux défenseurs; il a cherché partout à établir l’anarchie et ses désordres; il a fait passer le numéraire de la France aux ennemis qui s’étaient armés, qui s’étaient coalisés contre elle; il a fait égorger des milliers de citoyens qui n’avaient commis d’autre crime à son égard que celui d’aimer la liberté et leur patrie; le sang de ces malheureuses victimes fume encore autour de cette enceinte; elles appellent tous les Français à les venger” (Archives parlementaires. Т. 53. P. 387).
- ⁴⁰ Сен-Жюст Л.А. Речи. Трактаты. СПб., 1995. С. 10–16.
- ⁴¹ Марат Ж.-П. Избранные произведения... Т. 3. С. 198.
- ⁴² Мнение о суде над Людовиком XVI // Робеспьер М. Революционная законность и правосудие: Статьи и речи. М., 1959. С. 58, сл., 62; Archives parlementaires. Т. 54. P. 74.
- ⁴³ Archives parlementaires. Т. 54. P. 740–747.
- ⁴⁴ Archives parlementaires. Т. 55. P. 1.
- ⁴⁵ “(...) la nation, perdue et trahie, était livrée à ses ennemis (...)” (Цит. по: Girault de Coursac P. et P. Enquête sur le procès du roi Louis XVI... P. 347, 349).
- ⁴⁶ Archives parlementaires. Т. 55. P. 3–5.
- ⁴⁷ Interrogatoire du roi // Girault de Coursac P. et P., Varaut J.-M. La défense de Louis XVI. P., 1993. P. 39–50.
- ⁴⁸ Ibid. P. 41.
- ⁴⁹ Ibid. P. 42.
- ⁵⁰ “Conspiration contre la liberté de la nation et la sûreté générale de l’Etat” (Archives parlementaires. Т. 57. P. 58).
- ⁵¹ Берк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1993. С. 79, сл.
- ⁵² Hunt L. The Family Romance of the French Revolution. Berkeley; Los Angeles, 1992. P. 2.
- ⁵³ Люсьен Жом увидел в этом характерную особенность якобинского дискурса. См.: Jaume L. Le discours jacobin et la démocratie. P., 1989. P. 130, 249–252.